

DOI: 10.31857/S032103910014093-5

ЕГИПЕТСКОЕ РАБСТВО В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ М.А. КОРОСТОВЦЕВА

С. Б. Крих

Омский государственный университет, Омск, Россия

E-mail: krikh@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8220-9956

Главная тема статьи — раннее научное творчество академика М.А. Коростовцева (1900–1980), пришедшего окончательно в историческую науку лишь ко второй половине своей жизни. В довоенный период историк успел написать сравнительно немного работ, среди которых особую роль играет кандидатская диссертация, посвященная египетскому рабству периода XVIII династии. Ее текст интересен тем, что фиксирует новую фазу развития советской историографии древности, при которой именно рабовладельческая теория считалась проявлением марксистско-ленинского характера советской науки. Научным руководителем Коростовцева был В.В. Струве, поэтому многие моменты в диссертации отражают его понимание истории древневосточных обществ. Тем не менее Коростовцев не был только учеником Струве, поскольку он проявлял большую осторожность в работе с источниками и большую аккуратность в итоговых выводах. Он не обнаружил упоминаний большого числа рабов при XVIII династии ни среди военнопленных, ни в сфере частновладельческого рабства, кроме нескольких исключений, которые не обязательно означали общее широкое распространение рабовладения. В этом отношении можно говорить о Коростовцеве как о последователе Ю.Я. Перепёлкина, в том числе потому что в эти же годы он защищал взгляды Перепёлкина в своих письмах к А.Б. Рановичу: согласно Коростовцеву, на деле марксистская теория быстро придет к исчерпанию, если будет спешить с обобщениями до того, как сможет удостоверить их историческими фактами. Тем не менее в собственной работе Коростовцев смог найти лишь неустойчивый баланс между заявленным обобщением о рабовладельческом Египте и свидетельствами источников об относительно скромном развитии рабства при XVIII династии.

Ключевые слова: древняя история, советская историография, исследования рабства, М.А. Коростовцев

Данные об авторе. Сергей Борисович Крих — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории ОмГУ.

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

EGYPTIAN SLAVERY IN THE EARLY WRITINGS OF M.A. KOROSTOVTSEV

Sergey B. Krikh

Omsk State University, Omsk, Russia

E-mail: krikh@rambler.ru

Acknowledgements: Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-41014

The article focuses on the early scholarship of the Soviet Egyptologist Mikhail Korostovtsev (1900–1980), who dedicated himself to historical research only in the second part of his life. His academic works prior to the Second World War were not numerous, but his dissertation about Egyptian slavery during the 18th dynasty became an important text marking a new stage in the Soviet historiography of antiquity because the theory of the ‘slave-owning society’ was considered to be the sign of ‘true’ Marxism-Leninism. Korostovtsev’s understanding of the social structure of the Ancient Near East was substantially influenced by his supervisor Vasilii Struve, but Korostovtsev was not merely a disciple of Struve, for his own work with ancient sources and his conclusions show much higher accuracy than Struve’s. Moreover, he found no evidence for a large number of slaves during the 18th dynasty, neither among the captive slaves nor among the private ones, except for a few examples that do not prove a widespread distribution of slavery. In this respect we could think of Korostovtsev as of a disciple of Yuri Perepyolkin, because in the same years he defended the ideas of Perepyolkin in his letters to Abram Ranovich: according to Korostovtsev, Marxist theory would become fruitless if it rushed to generalizations without proper verification by facts. In his own research, however, Korostovtsev was only balancing between the asserted generalizations about slavery in ancient Egypt and the actual evidence for the relatively modest spread of slavery during the 18th dynasty.

Keywords: ancient history, Soviet historiography, studies of slavery, M.A. Korostovtsev

В последние десятилетия история науки достаточно активно использует понятие «научная школа», которое помогает выстраивать сложные объяснительные конструкции даже при том, что само содержание этого понятия является дискуссионным¹. Но главная проблема применения этого понятия заключается не в теоретическом измерении, а в том, что в практическом отношении оно гораздо хуже работает при обращении к фигурам отдельных ученых, чем при обобщающем использовании. Если же мы начинаем анализировать историю советской науки, в которой отношения между учеными и властными структурами воздействовали и на отношения ученых между собой, тогда эта проблема даже усложняется².

Так, с одной стороны, говоря об изучении истории древнего Востока в СССР, кажется безусловно продуктивным употреблять понятие «школа В.В. Струве»³, ведь под руководством академика защищались кандидатские и докторские диссертации, он выступал редактором многочисленных монографий и различных

¹ Sveshnikov 2016, 30–41.

² Krikh 2016.

³ Bolshakov 2011, 6.

научных сборников, его взгляды на историю Востока как рабовладельческую на своем первом этапе (а особенно их обоснование) были выражены вполне определенно и в той или иной форме воспроизводились его последователями. Наконец, его программа изучения социально-экономической истории древних Месопотамии и Египта в той или иной форме реализовывалась на протяжении всего советского периода⁴.

С другой стороны, если задаться вопросом, какие историки (или филологи, поскольку изучение Востока неразрывно связано и с языковой специализацией) могут быть названы учениками Струве — не с формальной точки зрения (написание квалификационной работы под его руководством, посещение лекций и семинаров и прочие черты научной клиентелы⁵), а с точки зрения содержательной (следование единой концепции, тематике исследований и отчасти научному стилю), — то складывается впечатление, будто в этой «научной школе» не было заметных учеников. Обратимся только к примеру египтологии (в случае с ассириологией дела обстояли по сути так же). Если брать старшее поколение, М.Э. Матье скорее противостояла Струве, чем действовала вместе с ним⁶, упрямо сомневался в рабовладельческой концепции И.М. Лурье, совершенно параллельным курсом двигался Ю.Я. Перепёлкин⁷. Среди «молодых» (пришедших в науку в послесталинский период) Е.С. Богословский вообще не взаимодействовал со Струве (он закончил Пермский университет за год до смерти академика; его учителями стали последовательно Матье и Перепёлкин), а О.Д. Берлев, относившийся к академику с огромным уважением, не написал ни одной «струвианской» работы: конечно, исследования Берлева проводились в русле социальной тематики (что привычно для советской науки), но ни с точки зрения стиля, ни, особенно, содержания и выводов они никак не могут считаться творениями последователя Струве.

Здесь и возникает вопрос: что же происходило с исследователями, которые начинали учиться у Струве и работать в русле предложенной им тематики, если потом это заканчивалось их «прощанием» с «научной школой»? Из рассмотрения следует сразу исключить те фигуры, у которых могла быть личная неприязнь к Струве, и ограничиться теми, кто сохранял с академиком хорошие отношения.

Такой фигурой, до сих пор остающейся на втором или даже третьем плане в современных исследованиях советской науки о древности, предстает М.А. Коростовцев (1900—1980). Если его жизнь, в которой было место почти кинематографическим перипетиям, уже привлекала внимание исследователей, то научное творчество было предметом лишь предварительного анализа⁸. И можно понять почему: в его статьях и книгах нет ярких и спорных формулировок, равно как и потока воинственных высказываний, свойственных публикациям сталинского времени, не он сотворил перелом в советских представлениях о древневосточных

⁴ Bogoslovskaya 2019, 236.

⁵ Tikhonov 2016, 78—91.

⁶ Piotrovskiy 1995, 93; Bolshakov 2011, 9.

⁷ См, например, Piotrovskiy 1995, 41.

⁸ Timofeeva 2011; Ladynin, Timofeeva 2014; Tamazishvili 2001; Krikh 2019; Pavlova 1990. Специальная диссертация о творчестве Коростовцева (Abdalla 2000) отличается описательным подходом и не дает полного обзора тематики исследований академика.

обществах (это сделал В.В. Струве) и не он совершил заметный шаг для пересмотра этих представлений (это сделал И.М. Дьяконов). Во второй части своей научной жизни он, хотя и участвовал иногда в дискуссиях об устройстве древневосточного общества, сосредоточился на изучении египетского языка Нового царства, оставив достойный вклад в этой сфере, но тем самым по сути уйдя от магистральной для советской исторической науки социально-экономической тематики. По мнению В.М. Алпатова, его нужно помнить как ученого «всецело принадлежавшего советской эпохе и разделявшего ее идеологию»⁹. Т.е. Коростовцев на протяжении десятилетий действовал в научном поле советской историографии, менялся вместе с советской наукой, но никогда не был инициатором этих перемен. В этом причина отсутствия внимания к его трудам в истории науки: восхищение или порицание заслужили другие.

Тем не менее раннее творчество Коростовцева — до его поездки в Египет в 1944–1947 гг. (закончившейся арестом) — это во многом пример принадлежности к «школе Струве», хотя оно и занимает достаточно короткий период: серьез в науку он пришел только после 1935 г., а первые публикации относятся к 1939 г. До этого жизнь будущего академика хотя и включала в себя факультативное увлечение египтологией, шла совершенно иным путем: долгое время он служил на торговом флоте, став капитаном¹⁰. Ранний период его творчества, видимо, можно определить приблизительно как 1935–1942 гг., поскольку в 1943 г. он защитил докторскую диссертацию по письму и языку древнего Египта, что уже знаменует отход от социально-экономической тематики. Командировка в Египет позволила ему установить связи с зарубежной наукой, осуществить несколько публикаций на французском языке, но закончилась трагически. После ареста и лагерей, забравших несколько лет жизни, Коростовцев в 1955 г. вернулся в науку, его основные усилия были направлены теперь на изучение новоегипетского языка. Личное почтение к фигуре Струве и согласие с его общим пониманием рабовладельческого характера древнеегипетского общества он сохранил, но во втором случае это не было подкреплено продолжающейся работой в том же направлении. Это и дает возможность определять ранний этап творчества Коростовцева как существенно отличающийся от последующих и рассмотреть его отдельно.

Первые публикации Коростовцева немногочисленны и в основном невелики по объему, к более или менее значимым можно отнести лишь две статьи, посвященные периодам V и XIX династий.

Самая объемная из этих статей представляет собой подробно комментированное издание источника — декрета Сети I в Наури, и хотя в комментарии есть достаточно обширный отрывок, посвященный обсуждению проблемы рабовладения в Египте, по преимуществу это источниковедческая работа¹¹. Во второй статье рассматривается проблема прихода к власти V династии — анализируя папирус Весткар и сопоставляя его данные с другими источниками, автор приходит к выводу

⁹ Pavlova 2001, 239; образ Коростовцева в воспоминаниях современника см. Diakonoff 1995, 419, прим. 1.

¹⁰ Stuchevskii 1970, 202.

¹¹ Korostovtsev 1939.

о различии между народным преданием, противопоставлявшим IV династию ее преемнице, и официальным египетским нарративом, постулировавшим отсутствие принципиального поворота при смене династии¹². Обращает на себя внимание как хронологический разброс тем: от Древнего царства до Нового, так и то, что Коростовцев достаточно определенно выступал как ученик и последователь Струве — и это были как раз те годы, когда утверждалась рабовладельческая концепция древневосточного общества в предложенной Струве трактовке.

При этом большая часть из того, что Коростовцев написал до войны, осталась неопубликованной. Помимо ряда небольших статей (такова, например, написанная совместно со Струве и очень схематично трактующая вопрос «Религия древнего Востока и происхождение христианства»¹³), это, в первую очередь, его кандидатская диссертация и вводные главы в рукописи «древневосточного» тома готовящейся «Всемирной истории». Диссертацию начинающий историк защищал под руководством Струве, она называлась «Рабство в древнем Египте в эпоху Нового царства (XVIII—XX династии). Часть I. Эпоха XVIII династии»¹⁴, и ее анализ позволяет не только понять особенности раннего научного творчества самого Коростовцева, но и приблизиться с новых позиций к решению вопроса об укоренении советских представлений о древневосточной истории. Перед нами определенно одна из первых диссертаций по древней истории, защищенных в уже установившихся советских институтах автором с почти исключительно советским образованием, что делает оправданным особое внимание к ней.

То, что в это время Коростовцев выступает последовательным учеником Струве, становится заметно с первых же страниц его диссертации, и поначалу это может вообще закрыть для читателя всю остальную перспективу. «До работ академика Струве вопрос о структуре древнеегипетского общества никогда не вызывал в науке споров и дискуссий, так как считалось твердо установленным, что древнеегипетское общество было обществом феодальным»¹⁵. Собственно, диссертация и начинается с противопоставления буржуазного взгляда на древнеегипетское общество и того «коренного переворота», который произвел Струве, подойдя к проблеме «на основе марксизма-ленинизма»¹⁶. Признание лидирующей роли учителя в те годы для Коростовцева настолько тесно связывалось с важнейшими достижениями советского востоковедения, что он подробно написал об этом и в главе об изучении Востока для упомянутого выше II тома «Всемирной истории»: «Громадные знания материала любой отрасли науки о древнем Востоке, широта исторического кругозора, делают акад. В.В. Струве достойным руководителем советского востоковедения»¹⁷.

При этом не следует думать, что перед нами не более чем акт оммажа ученика перед учителем: начинающий египтолог не только усвоил основные положения

¹² Korostovtsev 1941.

¹³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 11. 19 л.

¹⁴ Вторая часть, судя по всему, так и не была никогда написана.

¹⁵ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

¹⁶ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

¹⁷ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 421. Л. 86. Фразу эту, впрочем, редактор тома (А.Б. Ранович) вычеркнул. См. также Карпук, Krikh 2019, 146.

«рабовладельческой» концепции Струве, но и внимательно проработал возможности сравнения месопотамской и египетской общественных структур¹⁸ — и в соответствующих частях диссертации такое сравнение проводится. Нельзя исключать, что это сравнение предлагал провести как раз научный руководитель — по крайней мере, оно сделано буквально по тем пунктам и в той системе понятий, в которой в те годы мыслил Струве: высказаны предположения о том, что у египетских рабов, как и у ассиро-вавилонских, мог быть пекулий¹⁹, что египетские законы, подобно Законам Хаммурапи, должны были содержать и статьи о рабах²⁰, наконец, что пути развития рабства в Египте и Месопотамии были в целом одинаковы²¹.

В общем и структура диссертации, если рассматривать ее с точки зрения развертывания и аргументации главной мысли, построена по образцам исследований Струве: общетеоретические заявления сменяются исследованием терминологии и продолжаются последовательным рассмотрением памятников эпохи, после чего делаются резюмирующие выводы. Во введении к диссертации (22 страницы) Коростовцев помещает исследование в контекст марксистско-ленинской теории, в первой главе (10 страниц) определяет, какие термины он будет принимать во внимание при изучении рабского состояния (Hm, mrg.t, sqg-anh), вторая глава (69 страниц) посвящена анализу надписей царей и сановников, третья (60 страниц) — источникам по истории частновладельческого рабства.

Тем не менее говорить о диссертации Коростовцева исключительно как о продолжении дела Струве не следует. Во-первых, Коростовцев не мог быть только эпигоном, даже если бы хотел этого: у него, в отличие от научного руководителя, не было дореволюционного научного бэкграунда²² и перед ним не стояло проблемы поиска нового стиля научного письма или отказа от «буржуазных» теорий. Соответственно и обычай сыпать цитатами из «классиков марксизма-ленинизма» во вводных разделах научных публикаций, был им, в отличие от Струве, усвоен более органически, поскольку произошло это в самом начале научной карьеры.

Можно было бы предположить, что Коростовцев так же «органично» исповедует марксизм уже не как теоретическую рамку, а как методологию исследований, но диссертация показывает, что дело обстоит несколько иначе. Метод, который

¹⁸ Как писал сам Коростовцев в другой работе: «Египет и Вавилония — это несомненно основные страны Древнего Востока». АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420. Л. 1.

¹⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 156–158.

²⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 160.

²¹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 158–159. Собственно, знаменитый «рабовладельческий» доклад Струве июня 1933 г. базировался на парном рассказе о «Вавилонии и Египте», которые признаются наиболее цивилизованными странами древности наряду с Грецией и Римом (Struve 1934, 34).

²² Переписка с Б.А. Тураевым в гимназические годы — свидетельство интереса к Египту, но никак не настоящего погружения в тему, — во всяком случае в 1930-е годы Коростовцеву снова придется осваивать материал по Египту почти с азов — если верна архивная датировка словарика египетских терминов, который составлен им в тетрадке в начале 1930-х годов с использованием обычной справочной литературы тех лет (особенно много из словаря Брокгауза и Эфрона). Stuchevskii 1970, 202; РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 20.

действительно лежит в основе работы, сформулирован автором отдельно, в первой главе, и лишен каких-либо отсылок к руководящей теории. Диссертант поясняет, как он на самом деле будет работать с источниками и почему филологическое исследование египетской терминологии форм зависимости не является достаточным для достижения его целей:

Филологические соображения и выводы в изучении рабства в Египте могут играть только вспомогательную роль, и сами по себе не могут дать нам ключа к пониманию содержания и форм египетского рабства. Это понимание может быть достигнуто только путем исследования экономических и социальных данных, которые можно извлечь из текстов.

В интересах точности и объективности в дальнейшем мы будем придерживаться такого метода: данные о рабстве будут рассматриваться в порядке хронологической последовательности династии. Этот прием дает возможность проследить развитие рабства в историческом аспекте. Отдельные памятники или их группы, относящиеся к одной и той же династии, будут рассматриваться отдельно друг от друга, и лишь на основании выводов, получившихся из такого исследования, будет даваться обобщенное заключение о рабстве в период той или иной династии. К тому или иному термину, содержащемуся в текстах, мы будем подходить не с заранее предвзятым убеждением, что он обязательно означает раба, а наоборот мы будем пытаться определить его социальное значение из содержания текста²³.

Ниже мы покажем, что эта декларация оказалась лишь частично воплощена при работе с источниками, пока же выскажем два промежуточных наблюдения: во-первых, советская историография была изначально дуалистична — научная идеология никогда не могла полностью вытеснить научную методологию, и в том случае, если работа действительно оставалась научной, эти две ипостаси приходилось совмещать; в диссертации Коростовцева, возможно, интуитивно, найдено достаточно аккуратное решение этой проблемы: идеология торжественно выдается за методологию, помещаясь во введении, а собственно методология под именем «метода» выносится в специальную небольшую главу (фактически, второе введение).

Во-вторых — и это представляется принципиальным для понимания творчества раннего Коростовцева, — для него такая манера не была ни эзоповым языком, ни вообще каким-либо сложным решением. Как минимум в эти годы, встречаясь с некоторыми противоречиями между идеей и методом, он полагал, что они временны и будут гармонизированы развитием науки. По крайней мере, это предположение подтверждается тем, как увлеченно доказывал Коростовцев в своей переписке с Рановичем в мае 1941 г. необходимость воздерживаться от слишком смелых выводов о структуре египетского общества. Говоря о первостепенной важности изучения фактов и недопустимости того, чтобы теория шла перед ними, Коростовцев постоянно ссылается на Маркса, Энгельса, Ленина и, конечно, Сталина: «Снова напомню Вам слова И.В. Сталина о том, что революционная теория есть обобщение революционного опыта, т.е. фактов массового порядка из революционного движения... Вспомните важнейшие партийные документы по вопросам истории — Постановление ЦК ВКП(б) в связи с выходом в свет “Краткого курса ВКП(б)”, замечания тт. Сталина, Кирова и Жданова и др. Закономерность, оторванная от конкретных фактов, — это не марксистская закономерность. Поэтому историк должен быть конкретен, и восстановление прошлых событий с максимальной точностью является точно так же важнейшей задачей истории.

²³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 31–32.

Больше того, если эти события не установлены, то как можно делать выводы о закономерностях, по которым совершались эти неизвестные события?»²⁴. Египтология, заключал Коростовцев, разработана менее других исторических дисциплин, поэтому и попытки объяснить то, что «фактически неизвестно», будут «халтурой»²⁵.

Здесь важно указать, в каком контексте возник этот спор. К сожалению, сохранились только письма от Коростовцева, поэтому точно восстановить ход полемики нельзя, но причиной ее было обсуждение глав II тома «Всемирной истории» (этот том планировалось посвятить целиком истории древнего Востока). Ранович столкнулся с нежеланием ленинградских авторов вносить в главы по Египту (и отчасти по хеттам) обобщающие ремарки (как это назвал его оппонент, «заполнять проблемы от отсутствия памятников аналогиями и общими рассуждениями»²⁶), причем, судя по всему, хотя главным корреспондентом Рановича выступал Коростовцев, наибольшее сопротивление редакции оказывал Ю.Я. Перепёлкин²⁷.

И хотя влияние этого египтолога на диссертацию Коростовцева непосредственно не бросается в глаза, влияние это следует учитывать, говоря о тех моментах, в которых Коростовцев как раз высказывает осторожность и несклонность к безапелляционным обобщениям. Собственно, стандарты советской исторической литературы сталинского времени вполне позволяли, отыскав несколько упоминаний большого числа рабов в источниках, говорить и о доказанности рабовладельческого характера общества, и о сравнительно высокой степени развития рабовладения в Египте.

Но Коростовцев в принципе отвергает такой прием. С самого начала он подчеркивает, что рабство в Египте не идентично классическому рабству Греции и Рима — сделано это в основном для того, чтобы ослабить позиции Ж. Байе, не находившего в египетском языке слова, которое бы адекватно передавало, скажем, латинское *servus*: «Египетские термины выражали и обозначали египетские формы рабства, а не античные»²⁸, — подчеркивает Коростовцев; в дальнейшем мысль эта не забывается и никогда не уходит на второй план — Коростовцев прямо пишет об отсутствии «резкой бытовой пропасти между хозяевами и рабами»²⁹. При проведении параллелей с Месопотамией дано примечание, в котором уточнено, что «в Двуречье денежное хозяйство было развито гораздо сильнее, чем в Египте, и это не могло не откладывать своего отпечатка на все стороны хозяйственной и общественной жизни Египта»³⁰ — наверное, будет слишком смело трактовать эту сноску в качестве оберега от чрезмерной экспансии идей научного руководителя, но по крайней

²⁴ Kluev, Metel' 2018, 63–65.

²⁵ Kluev, Metel' 2018, 68–69.

²⁶ АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 420. Л. 5.

²⁷ Подробнее см. Карпух, Крих 2018, 1025.

²⁸ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 25. Критика Коростовцевым статьи Байе в общем мало отличается от критики, которую дал Струве за несколько лет до этого: Struve 1934, 93, прим. 24.

²⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 156.

³⁰ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 161, прим.

мере она является еще одним свидетельством того, что Коростовцев до известной степени был сторонником понимания «Египта через Египет».

Еще более существенно то, каким образом диссертант делал выводы из обработанного им материала. Он совершенно не доверяет не подтвержденным дополнительными данными утверждениям о большом количестве рабов в начале правления XVIII династии: «К словам обоих Ахмосов — “не было числа военнопленным” и “очень много военнопленных” мы должны относиться очень осторожно: несомненно, что конкретное число военнопленных, скрывающихся под этими словами, вовсе не было так велико, как это хотят сказать оба Ахмоса»³¹. Упоминания тысяч и даже миллионов пленных воспринимаются историком как риторические преувеличения. Проверить такого рода утверждения автор пытается через анализ надписи Тутмоса I из Абидоса: по его мнению, тот факт, что царь не даровал абидосскому храму Осириса рабов, но в то же время подарил их храму Амона, свидетельствует об ограниченном количестве военнопленных, бывших в его распоряжении³². Эти рассуждения, кстати говоря, вызвали весьма характерную реакцию со стороны Струве в его отзыве на диссертацию: «Исходя из своей предпосылки, что походы царей до Тутмоса III давали мало пленных, автор делает из надписи Тутмоса I, повествующей о его заботах по отношению к абидосскому храму Осириса вывод, что названный царь не подарил храму Осириса рабов. Действительно, в надписи не говорится о дарениях рабов, но надпись не говорит также ни о дарениях земли, ни о дарениях скота. Надпись заполнена общими фразами о благодеяниях царя храмам, о подчинении жрецам и о строительных работах. Поэтому нельзя и сделать на основании ее столь категорический вывод»³³.

В действительности Коростовцев с осторожностью относился к идее приписывать походам Тутмоса III доставку множества пленных в Египет в качестве рабов³⁴; за анализом сообщения о захваченных в плен после победы при Мегиддо вполне логично следует оговорка о том, что не всякий пленный автоматически обретал рабский статус³⁵. Значительная часть военнопленных поступала в храмы, и здесь автор смог на основании нескольких документов изучить, в каких сферах их использовали, и сопоставить эту практику с использованием рабского труда при храмах Вавилонии. Однако и здесь была сделана оговорка: примеров сдачи храмовых рабов внаем за пределы храмового хозяйства мы не имеем, что может объясняться меньшей развитостью торговых и денежных отношений в Египте³⁶.

³¹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 43.

³² РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 45.

³³ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 181. Обратим внимание на то, что научный руководитель в отзыве вступает в полемику с диссертантом по вопросу, который можно было решить еще до защиты. Это говорит о том, что Струве не был склонен к деспотической правке текста своего ученика.

³⁴ Нельзя не привести здесь аналогию со статьей О.Д. Берлева, написанной спустя почти полвека: Berlev 1989. В то время как работы, написанные на ту же тему в сталинскую эпоху, выглядели иначе: Katznelson 1951.

³⁵ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 50–51.

³⁶ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–100.

Наконец, обращаясь к анализу источников по частному рабовладению, диссертант подчеркивает как их немногочисленность для периода XVIII династии, так и непроясненность многих деталей, которая не позволяет исследователю прийти к ясному пониманию частновладельческого рабовладения. Указаний на источники рабства в папирусах нет, но через анализ контрагентов сделок становится понятным, что владение рабами было обычно связано с государством и храмом: «Пленные, превращенные в рабов, концентрировались в храмовом царском хозяйстве и в руках бюрократии и военных»³⁷, при этом рабовладелец мог быть относительно незначимым представителем египетского общества (пастух, сын воина), но обладал известным достатком. Существенно, что и в этом эпизоде Коростовцев не стал использовать аргумент, который для советской науки был вполне легитимным (и применялся им самим ранее³⁸): если даже люди среднего положения были рабовладельцами, это свидетельствует о широком распространении рабства. Аргумент этот открывал довольно большие возможности для того, чтобы писать о развитом рабовладении в самых разных древних странах, но диссертант предпочел дать более взвешенную формулировку: «Рассмотренные памятники не дают нам возможности более или менее точно установить, как широко было распространено частное рабовладение»³⁹; правда, далее была дана ссылка на эдикт Хоремхеба, защищающий права собственности на рабов — а эдикт, по мнению автора, регулировал установившиеся и частые явления.

Может создаться впечатление, что мнение Коростовцева относительно рабства в эпоху XVIII династии колеблется как на качелях: сначала военнопленных было немного, но затем их количество возрастает; рост замечен при Тутмосе III, но его не следует преувеличивать — тем не менее рабский труд широко используется в храмовом хозяйстве; если у храмов и государства рабов относительно много, то у частных лиц распространение рабства неясно; но коль скоро государство регулирует эти вопросы, это значит, что рабство было более или менее укоренено и т. д. Легче всего было бы объяснить эти колебания стремлением к нахождению равновесия между общими идеями Струве и культом работы с источниками Перепёлкина⁴⁰. В таком случае первый импульс толкал диссертанта к тому, чтобы определять предметом своего исследования именно рабство (а не вообще формы зависимости), второй — к тому, чтобы постоянно указывать на ненадежность обобщений.

Косвенно в пользу этого соображения может свидетельствовать то, что Коростовцев проявил известную сдержанность при проведении исследования: он зафиксировал факт крайне высоких цен на рабов, сдаваемых частными лицами внаем, но при этом отказался давать этому объяснение⁴¹ — хотя, как

³⁷ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 118.

³⁸ Korostovtsev 1939, 278; см. также Struve 1941, 180: «даже “маленькие люди” имели рабов».

³⁹ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 159.

⁴⁰ Его помощь упомянул и сам Струве в отзыве — вписав это на полях. РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

⁴¹ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 123–125.

засвидетельствовал в своем отзыве Струве, в личной беседе Коростовцев высказал некую вполне убедительную (и нам ныне неизвестную) версию⁴².

Поддерживая научные амбиции диссертанта, Струве в своем отзыве тем не менее указал, что тот мог бы «быть более решительным при интерпретации своих источников и мог бы тогда еще более подкрепить свое положение о значительной роли рабства в экономике Египта»⁴³. Струве как раз полагал, что сведения источников позволяют проследить связь между тысячами пленных, которых приводили из походов египетские цари, и десятками захваченных в плен, о которых пишут отдельные лица (воин Яхмес при Тутмосе III) — это, на его взгляд, давало возможность утверждать, что сообщения о большом количестве пленных «не были пустым бахвальством»⁴⁴. Положение о том, что уже при XVIII династии рабовладение в Египте получило особое развитие, вполне явно следует и из учебника для университетов, написанного Струве в те же годы⁴⁵.

Учитывая то, что перед нами не законченное исследование, а только его первая часть — хотя тот факт, что вторая часть, видимо, не была написана, тоже симптоматичен, — сложно делать выводы о том, как оно должно было выглядеть целиком в представлении Коростовцева (или в планах его научного руководителя). Судя по некоторым оговоркам и по упомянутой выше ранней статье, вторая часть диссертации должна была развернуть куда более убедительную и полномасштабную картину развития рабства в период Нового царства: например, положение евреев в Египте трактовалось именно как рабское, должны были использоваться надписи Сети I⁴⁶, постулировалось и то, что «непосредственные производители храмовых владений имели рабов Нм»⁴⁷. Но первая часть, которая была защищена как кандидатская диссертация, предстает в своем ядре вполне аккуратным исследованием, которое не слишком контрастирует, например, со статьей Ж. Байе, несмотря на то, что в первой главе этот французский египтолог и заслужил критику за чисто механистическое решение вопроса — распространенный полемический прием советской историографии тех лет.

Байе, напомним, в 1907 г. исследовал только именованя рабов в Древнем Египте, разобрав несколько десятков примеров и подчеркнув, что окончательные выводы на этом основании делать нельзя, как нельзя и найти такой египетский термин, который означал бы именно раба, а не свободного рабочего или крепостного⁴⁸. Критикуя, как было сказано выше, филологический метод Байе, Коростовцев предпочитает обращаться к пониманию разбираемых памятников в историческом контексте, но при этом его анализ неизбежно основывается на филологическом соображении, согласно которому ряд терминов, применяемых египтянами,

⁴² РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 184.

⁴³ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 180.

⁴⁴ РС НИА СПбИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 182.

⁴⁵ Struve 1941, 180–181.

⁴⁶ Соответственно, упомянутая выше статья Коростовцева о декрете Сети I могла быть ранним подступом к планируемой второй части диссертации.

⁴⁷ Korostovtsev 1939, 275–278.

⁴⁸ Baillet 1907, 24.

определенно обозначали рабов, т.е. были идентичны по своему значению — потому что «даже скептический» Байе признает это⁴⁹.

Соответственно, за пределами деклараций о рабовладельческом строе и различии между советской и буржуазной наукой, позиция Коростовцева сходна с позицией Байе как в том, что ставится вопрос о рабовладении там, где еще не решен вопрос о формах зависимости в целом (что было типично для науки первой половины XX в.), так и в том, что при этом Коростовцев старается воздерживаться от слишком смелых утверждений — правда, с поправкой на то, что считалось слишком осторожным именно в советской традиции. В этом смысле можно говорить о том, что здесь наметилась развилка между теоретизирующим (историко-публицистическим) и фактологическим типами повествования, причем в дальнейшем советская египтология, если вспоминать о работах О.Д. Берлева или Е.С. Богословского⁵⁰, пойдет по пути очевидного преобладания фактологии над теоретизированием, хотя ни тот, ни другой, вполне вероятно, не читали диссертацию Коростовцева⁵¹.

Работу Коростовцева поэтому не получится свести только к нахождению равновесия «между Струве и Перепёлкиным» — перед нами иное поколение и, соответственно, иная судьба советского египтолога. В этом случае нельзя обнаружить таких резких разрывов между ранним и зрелым этапами творчества, как в случае со Струве, который, действительно, защищал то одну, то другую точку зрения на восточное общество⁵². Приход Коростовцева в науку состоялся тогда, когда рабовладельческая концепция считалась вполне обоснованной, что, конечно, не исключало уточнения отдельных моментов.

Но главное, анализ диссертации Коростовцева позволяет нам говорить о важной особенности того, как укреплялась «рабовладельческая» концепция истории древнего Востока. Это не могло быть чисто идеологическое действие, состоявшее только в поспешной «пересадке» признанной правильной теории на почву исторического материала: для акта веры нужен был сначала убедительно проведенный ритуал проверки фактами. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто советская историческая наука обслуживала только идеологические запросы политической системы. С другой стороны, сложно согласиться и с разведением в советской науке идеологической и позитивистской функций и представлением о том, что за идеологической «шелухой» существовала «нормальная» наука.

⁴⁹ РС НИА СПб ИИ РАН. Ф. 274. Оп. 1. Д. 1. Л. 26. Похожий аргумент содержится в уже упомянутой ранней статье о роли рабства в Новом царстве: «Даже Эд. Мейер, апологет феодализма на древнем Востоке, должен признать...» (Korostovtsev 1939, 274).

⁵⁰ Berlev 1972; 1978; Bogoslovsky 1979.

⁵¹ Не будучи опубликованной (даже во фрагментарном виде), диссертация не оказала практически никакого влияния на советские исследования о рабстве. Хотя А.Л. Вассоевич приводит письмо Перепёлкина, отправленное в апреле 1980 г. в Главную редакцию восточной литературы издательства «Наука», в котором тот пытался убедить издательство в пользу публикации этой работы. При этом самого текста у Перепёлкина не было, следовательно, он не мог делиться им с коллегами (Vassoevich 2000, 29).

⁵² Слова Ф.В. Кипарисова о Струве. См. Bukharin, Krikh 2020, 200.

Позитивизм и идеологизация — два полюса советской исторической науки, находившихся в неустойчивой гармонии, которая очевидно нарушалась в фазах становления и разложения этой науки, но казалась вполне реальной в стабильный период существования, который как раз и начался в конце 1930-х годов. Поиск этой гармонии, уверенность в том, что она естественна и достижима, и отмечает раннее творчество Коростовцева. В этом отношении он может быть признан типичным советским историком, особенно по сравнению со многими его коллегами, чье творчество изучено гораздо лучше — В.В. Струве, Н.М. Никольским, И.М. Дьяконовым, А.Я. Гуревичем и даже А.Б. Рановичем.

Но «типичность» — состояние крайне неустойчивое, если речь идет об интеллектуальной жизни. Как было сказано ранее, в последующем Коростовцев меняет основное направление своей научной работы, и его принадлежность к «школе Струве» истончается до формального факта ученичества в начале научного пути.

Литература / References

- Abdalla, A. Kh. 2000: *Tvorcheskoe nasledie akademika M.A. Korostovtseva* [The Creative Heritage of Academician M.A. Korostovtsev]. PhD thesis. Moscow.
- Абдалла, А.Х. *Творческое наследие академика М.А. Коростовцева*. Канд. дисс. М.
- Baillet, J. 1907: Les noms de l'esclave en égyptien. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes* 29/1–2, 6–25.
- Berlev, O.D. 1972: *Trudovoe naselenie Egipta v epokhu Srednego tsarstva* [The Labor Population of Egypt during the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1978: *Obshchestvennyye otnosheniya v Egipte epokhi Srednego tsarstva* [Social Relations in Egypt during the Middle Kingdom]. Moscow.
- Берлев, О.Д. *Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства*. М.
- Berlev, O.D. 1989: [Statistical Data Concerning the Importation of the People from Subjugated Lands to Egypt]. In: M.A. Dandamaev (ed.), *Gosudarstvo i sotsial'nye struktury na drevnem Vostoke* [State and Social Structures in the Ancient East]. Moscow, 86–108.
- Берлев, О.Д. Цифровые данные по угону населения покоренных стран в Египет. В сб.: М.А. Дандамаев (отв. ред.), *Государство и социальные структуры на древнем Востоке*. М., 86–108.
- Bogoslovskaya, I.V. 2019: [The Road to Deir el-Medina. Memories of the Master's Widow] In: E.S. Bogoslovsky (ed.), *Novye istochniki po istorii Egipta XV–X vv. do n.e.* [New Sources for the History of Egypt in the 15th–10th Centuries BC]. Saint Petersburg, 229–237.
- Богословская, И.В. Дорога в Дейр эль-Медина. Воспоминания вдовы мастера. В сб.: Е.С. Богословский (ред.), *Новые источники по истории Египта XV–X вв. до н.э.* СПб., 229–237.
- Bogoslovsky, E.S. 1979: «Slugi» faraonov, bogov i chastnykh lits (k sotsial'noy istorii Egipta XVI–XIV vv. do n.e.) [“Servants” of the Pharaohs, Gods and Private Persons (To the Social History of Egypt in the 16th–14th Centuries BC)]. Moscow.
- Богословский, Е.С. «Слуги» фараонов, богов и частных лиц (к социальной истории Египта XVI–XIV вв. до н.э.). М.
- Bolshakov, A.O. 2011: [Leningrad Egyptology Section: At the Origins of Soviet Egyptology]. *Kul'turno-antropologicheskie issledovaniya* [Cultural and Anthropological Studies] 2, 5–10.
- Большаков, А.О. Ленинградский египтологический кружок: у истоков советской египтологии. *Культурно-антропологические исследования* 2, 5–10.
- Bukharin, M.D., Krikh, S.B. 2020: [Historian of the Orient in the Age of Changes: Works of V.V. Struve and the Session of the Department of Social Sciences of the Academy of Sciences of USSR in July 1936]. *Vostok (Oriens)* 6, 196–206.
- Бухарин, М.Д., Крих, С.Б. Историк Востока в эпоху перемен: работы В.В. Струве и совещание в ООН АН СССР в июле 1936 г. *Восток (Oriens)* 6, 196–206.

- Diakonoff, I.M. 1995: *Kniga vospominaniy* [*The Book of Memories*]. Saint Petersburg.
- Дьяконов, И.М. *Книга воспоминаний*. СПб.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2018: [Work on *The World History* before World War II: Searching for a Management Model]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 78/4, 1011–1031.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели. *ВДИ* 78/4, 1011–1031.
- Karpyuk, S.G., Krikh, S.B. 2019: [Work on *The World History* before World War II: Fruits of Efforts]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 79/1, 136–151.
- Карпюк, С.Г., Крих, С.Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: плоды усилий. *ВДИ* 79/1, 136–151.
- Katznelson, I.S. 1951: [The Nature of Wars and Slavery in Egypt under the Pharaohs-Conquerors from the 17th to the 20th Dynasties]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 3, 40–54.
- Кацнельсон, И.С. Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVII–XX династий. *ВДИ* 3, 40–54.
- Klyuev, A.I., Metel', O.V. (eds.) 2018: *Abram Borisovich Ranovich: dokumenty i materialy* [*Abram Borisovitch Ranovich: Documents and Materials*]. Omsk.
- Клюев, А.В., Метель, О.В. (сост.). *Абрам Борисович Ранович: документы и материалы*. Омск.
- Korostovtsev, M. 1939: [Decree of Seti I in Nauri]. *Istoricheskiy arkhiv* [*Historical Archive*] II, 239–287.
- Коростовцев, М. Декрет Сети I в Наури. *Исторический архив* II, 239–287.
- Korostovtsev, M.A. 1941: [From the History of the 5th Dynasty in Ancient Egypt]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 31–44.
- Коростовцев, М.А. Из истории V династии в древнем Египте. *ВДИ* 1, 31–44.
- Krikh, S.B. 2016: [The System of the Soviet Historiography: Main Actors and Powers of Influence]. *Voprosy istorii* [*Questions of History*] 7, 162–167.
- Крих, С.Б. Система советской историографии: основные акторы и силы влияния. *Вопросы истории* 7, 162–167.
- Krikh, S.B. 2019: [Historian's Youth: Unpublished Letters of M.A. Korostovtsev]. In: S.P. Bychkov (ed.), *Mir istorika: istoriograficheskiy sbornik* [*The World of the Historian: A Historiographic Almanac*]. Issue 12. Omsk, 308–314.
- Крих, С.Б. Юность историка: неопубликованные письма М.А. Коростовцева. В сб.: С.П. Бычков (отв. ред.), *Мир историка: историографический сборник*. Вып. 12. Омск, 308–314.
- Ladynin, I.A., Timofeeva, N.S. 2014: [Egyptologist M.A. Korostovtsev and His Initiative to Establish a Scientific Representative Office of the USSR in Egypt]. *Istoricheskie zapiski* [*Historical Notes*] 15, 358–382.
- Ладынин, И.А., Тимофеева, Н.С. Египтолог М.А. Коростовцев и его инициатива по созданию научного представительства СССР в Египте. *Исторические записки* 15, 358–382.
- Pavlova, O.I. 1990: [90th Anniversary of the Birth of M.A. Korostovtsev, Member of the USSR Academy of Sciences]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 1, 238–239.
- Павлова, О.И. К 90-летию со дня рождения академика Михаила Александровича Коростовцева. *ВДИ* 1, 238–239.
- Pavlova, O.I. 2001: [The 100th Anniversary of M.A. Korostovtsev. A Conference Held in the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, April 24, 2000)]. *Vestnik drevney istorii* [*Journal of Ancient History*] 2, 239–240.
- Павлова, О.И. Семинар в Институте Востоковедения РАН, посвященный 100-летию со дня рождения академика М.А. Коростовцева (Москва, 24 апреля 2000 г.). *ВДИ* 2, 239–240.
- Piotrovskiy, B.B. 1995: *Stranitsy moyey zhizni* [*Pages of My Life*]. Saint Petersburg.
- Пиотровский, Б.Б. *Страницы моей жизни*. СПб.
- Struve, V.V. 1934: [The Problem of the Genesis, Development and Disintegration of Slave Societies in the Ancient East]. *Izvestiya Gosudarstvennoy Akademii Istorii Material'noy Kul'tury* [*Proceedings of the National Academy of the History of Material Culture*] 77, 32–111.
- Струве, В.В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. *Известия ГАИМК* 77, 32–111.
- Struve, V.V. 1941: *Istoriya drevnego Vostoka* [*History of the Ancient East*]. Moscow.
- Струве, В.В. *История древнего Востока*. М.

- Stuchevskii, I.A. 1970: [Mikhail Alexandrovich Korostovtsev (On the Occasion of His Seventieth Birthday)]. *Peoples of Asia and Africa* [*Narody Azii i Afriki*] 3, 202–204.
Стучевский, И.А. Михаил Александрович Коростовцев (К семидесятилетию со дня рождения). *Народы Азии и Африки* 3, 202–204.
- Sveshnikov, A.V. 2016: *Ivan Mikhailovich Grevs i peterburgskaya shkola medievistov nachala XX v. Sud'ba nauchnogo soobshchestva* [*Ivan Mihaylovich Grevs and the Petersburg Medievalist School in the Beginning of the XX Century. Scholar Community Fate*]. Moscow–Saint Petersburg.
Свешников, А.В. *Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества*. М. – СПб.
- Tamazishvili, A.O. 2001: [Mikhail Korostovtsev: 1955. Return to the Science]. *Istoriya i kul'tura drevnego i rannekhristsianskogo Egipta* [*History and Culture of Ancient and Early Christian Egypt*], 21–28.
Тамазишвили, А.О. Михаил Коростовцев: 1955 год. Возвращение в науку. *История и культура древнего и раннехристианского Египта*, 21–28.
- Tikhonov, V.V. 2016: *Ideologicheskie kampanii «pozdnego stalinizma» i sovetskaya istoricheskaya nauka (seredina 1940-kh – 1953 g.)* [*The Ideological Campaigns of the “Late Stalinism” and Soviet Historical Science (mid 1940s – 1953)*]. Moscow–Saint Petersburg.
Тихонов, В.В. *Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.)*. М. – СПб.
- Timofeeva, N.S. 2011: [Correspondence of M.A. Korostovtsev and the Heads of the Academy of Sciences of the USSR on the Prospects for His Scientific Work in Egypt in 1946–1947 (Review of the Archival Materials)]. *Vostok (Oriens)* 2, 106–115.
Тимофеева, Н.С. Переписка М.А. Коростовцева и руководства АН СССР о перспективах его научной работы в Египте в 1946–1947 гг. (обзор архивных материалов). *Восток (Oriens)* 2, 106–115.
- Vassoevich, A.L. 2000: [About Yuri Iakovlevich Perepyolkin and His Scholars Discoveries]. In: Yu. Ya. Perepelkin, *Istoriya drevnego Egipta* [*The History of Ancient Egypt*]. Saint Petersburg, 5–54.
Вассоевич, А.Л. О Юрии Яковлевиче Перепёлкине и его научных открытиях. В кн.: Ю.Я. Перепёлкин, *История древнего Египта*. СПб., 5–54.